

УДК: 316.48

Ланда К. Г.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
125319, г. Москва, ул. Черняховского, д. 9, стр. 1, Российская Федерация*

Курбанова А. М.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119234, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, Российская Федерация*

РОЛЬ ДАГЕСТАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ТРАНСФОРМАЦИИ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

АННОТАЦИЯ

Цель. Анализ социально-политических и религиозных аспектов трансформации конфликта в Дагестане после 1999 г. и реакции дагестанского общества на него.

Процедура и методы. Для изучения особенностей трансформации конфликта использованы историко-сравнительный метод, социологический подход и предметный анализ материалов местных средств массовой информации.

Результаты. Сделан вывод, что для преодоления текущей конфликтной ситуации в республике необходим соизмеримый ответ, идущий из самых глубин общественного сознания и исторической памяти дагестанских народов, породить который не в силах чиновничий аппарат. Итоги исследования показывают, что подготовить подобный ответ на вызовы, исходящие из радикального лагеря, должно и способно только само дагестанское общество.

Теоретическая и практическая значимость заключается в том, что детальный анализ причин зарождения религиозно-политического конфликта, поведения и мотивов акторов помогает лучше понимать его суть. Результаты исследования демонстрируют необходимость большей консолидации дагестанского общества для разрешения конфликта, последствия которого проявляются до сих пор в виде столкновения множества интересов и угрозы экстремизма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

религиозный конфликт, политический конфликт, Республика Дагестан, гражданское общество, этнические группы, экстремизм

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Социально-политические факторы конфликта в Дагестане](#)

[Мобилизация и демобилизация дагестанского общества](#)

[Теоретико-социологический анализ конфликта](#)

[Заключение](#)

K. Landa

*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
9, str. 1 ul. Chernyahovskogo, Moscow 125319, Russian Federation*

A. Kurbanova

*Lomonosov Moscow State University
27 korp. 4, Lomonosovsky prospekt, Moscow 119234, Russian Federation*

THE ROLE OF DAGESTAN IN TRANSFORMATIONS OF THE RELIGIOUS AND POLITICAL CONFLICT

ABSTRACT

Aim. To analyze socio-political and religious aspects of transformation of the conflict in Dagestan after 1999 and the reaction of the Dagestani population to it.

Methodology. In order to examine the peculiarities of the conflict transformation the author uses historical comparative method, sociological approach, and subject analysis of local mass media materials.

Results demonstrate the necessity of wider consolidation of the Dagestani society for resolving the conflict, the consequences of which are still seen nowadays in a form of the clash of numerous interests and the extremism threat.

Research implications It is concluded that in order to overcome the current conflict situation in the republic, a commensurate response is needed, coming from the very depths of public consciousness and the historical memory of the Dagestan peoples, which the bureaucratic apparatus is not capable of generating. The results of the study show that only the Dagestani society itself should and is capable of preparing such a response to the challenges emanating from the radical camp.

KEYWORDS

religious conflict, political conflict, Republic of Dagestan, civil society, ethnic groups, extremism

ВВЕДЕНИЕ

Эскалация религиозно-политического конфликта в Дагестане в последнее десятилетие XX и первое десятилетие XXI вв. перешла от классических форм локального противостояния к разрушительным сценариям вооружённых столкновений, крупномасштабным боевым действиям, совершению терактов против гражданского населения с использованием смертников и вовлечению молодёжи в экстремистские группы. События лета и осени 1999 г., когда объединённые силы дагестанских и чеченских боевиков под командованием Хаттаба (Самера Салеха ас-Сувейлеми) и Ш. Басаева вторглись в ближайшие к Чечне районы Дагестана, как одна из вех конфликта и долгосрочные последствия межэтнического напряжения отразили значительную социально-политическую проблему в регионе. Религиозно-политический конфликт, возникший между тремя ключевыми участниками – суфийской общиной, салафитской общиной и дагестанскими властями, стремительно вышел за пределы возможностей ключевых участников по его урегулиро-

ванию. Переплетая сферы национально-политического устройства и взаимодействия различных этнических групп, данный конфликт подразумевает многосторонний и многофакторный анализ, затрагивающий и политическую систему в целом, и гражданское общество, и религиозные аспекты.

Целью данного исследования является анализ изменения роли дагестанской общественности и отдельных гражданских структур в указанном конфликте, необходимый для понимания степени их влияния на изучаемое противостояние. Для этого в статье исследуются особенности развития конфликта, начиная с событий 1999 г., изучаются роль, мотивы и позиции различных групп местного населения, политических и религиозных акторов, а также проводится теоретико-социологический анализ конфликта для более глубокого понимания его течения и сути проблем.

Данная тема актуальна, так как Дагестан остаётся регионом с высокой долей социальной напряжённости, обусловленной межэтническими и религиозными отношениями и неоднородной моделью социально-политического поведения местного населения.

Для большего понимания конфликта «изнутри» и представления позиции дагестанского народа основной аналитической базой исследования были выбраны местные средства массовой информации.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ КОНФЛИКТА В ДАГЕСТАНЕ

Говоря о трансформации проблем, из-за которых возник и развивался конфликт, а также о правилах и нормах, на которые изначально ориентировались стороны противостояния, необходимо отметить, что на всех этапах данного конфликта и власти, и общественные силы республики в меру своих возможностей пытались сдержать дальнейшую эскалацию насилия и взаимной агрессии, вспыхнувших между двумя ключевыми местными мусульманскими общинами.

В ходе роста напряжённости религиозно-политического конфликта в республике дагестанское общество, особенно его (общества) активная гражданская часть, оставалось наиболее заинтересованным в скорейшем разрешении конфликта. Это также повлияло на трансформацию соотношения сил между участниками конфликта и сторонними акторами, к которым относилась дагестанская общественность.

Её участие в деэскалации и преодолении последствий конфликта начало проявляться уже в первые годы нарастания вооружённого противостояния и было связано со случаями гражданского героизма жителей дагестанских сёл, которые ценой собственной безопасности пытались сдержать агрессивные устремления боевиков. По общепризнанным в стране оценкам, во время событий 1999 г. общественность Дагестана показала высокую степень самоотверженности и консолидации перед лицом угрозы. Тогда по всей республике была объявлена мобилизация добровольцев и ополченцев для разгрома боевиков, вторгшихся на территорию Дагестана из Чечни.

Героизм дагестанских ополченцев и простых граждан заслужил и высокую оценку Президента страны В. В. Путина, который на приёме в Кремле 29 декабря 2000 г., устроенном для дагестанской делегации, отметил: «Мне как руководителю страны решительность в своих действиях в немалой степени придавали характер и настроения дагестанцев в те нелёгкие дни. Дагестанцы проявили истинный патриотизм. Бандиты использовали не только силу, но и пытались спекулировать на религиозных ценностях, и здесь им не удалось вас обмануть. Ваши действия в целом помогли сплотить общество в республике и в стране»¹.

Данные события явились на тот момент серьёзным фактором трансформации структуры нарастающего религиозно-политического противостояния в республике. Впервые за весь период развития конфликта в него открыто вмешались общественные силы республики, самым серьёзным образом изменив на определённый период его внутреннюю структуру и расклад сил в противостоянии.

Другая сторона конфликта – дагестанские и чеченские боевики, – а также радикальные салафиты, которые во все предыдущие годы стремительно наращивали своё влияние в Дагестане, формировали и укрепляли шариатские вооружённые анклавы на территории республики в Кадарской и Цумадинской зонах, с резким включением в конфликт мобилизованной дагестанской общественности потеряла практически все свои позиции в республике. В выявлении и сдаче властям пособников боевиков, сторонников радикальных форм ислама, а также в изгнании радикальных проповедников из своих сёл и районов приняло в тот момент участие практически всё население Дагестана².

Логика развития именно религиозно-политического конфликта была такова, что стоящие на религиозных позициях стороны конфликта абсолютно не прислушивались к голосу светских деятелей, считая их в лучшем случае «несведущими в делах ислама», а в худшем – «неверными» и «врагами ислама». При этом в республике наблюдались попытки удержать стороны конфликта от насилия и со стороны представителей журналистского сообщества Дагестана, которые, сохраняя свои позиции в общественной и информационной системе республики, уже успели «пропитаться» мусульманскими ценностями и начинали позиционировать себя как мусульмане, соблюдающие требования религии.

Примером такого деятеля является заместитель главного редактора газеты «Молодёжь Дагестана» А. Мехтиханов. Он в своих материалах начал

¹ К 10-летию юбилею в Постпредстве РД при Президенте РФ прошли торжественные мероприятия // Сайт Главы Республики Дагестан. URL: <http://president.e-dag.ru/rukovodstvo/postpredstvo/novosti/k-10-letnemu-yubileyu-v-postpredstve-rd-pri-prezidente-rf-proshli-torzhestvennye-meropriyatiya> (дата обращения: 25.12.2020).

² См., напр.: Акаев В. Военные столкновения между ваххабитами и последователями суфизма // Евразия: информационно-аналитический портал. URL: <http://evrazia.org/article/2405> (дата обращения: 27.12.2020).

активно использовать религиозные доводы для удержания сторон конфликта от взаимного насилия. К примеру, он писал, что Коран, ислам запрещают терроризм, экстремизм³.

И А. Мехтиханов был не одинок в своих попытках достучаться до сознания дагестанцев через апеллирование к исламским текстам и ценностям. Этих же тем в своих материалах и заявлениях касались и покойные ныне дагестанские журналисты и аналитики – директор Центра стратегических исследований и политических технологий З. Варисов, учредитель газеты «Черновик» Х. Камалов, заместитель главного редактора газеты «Новое дело» А. Ахмеднабиев и мн. др. Однако их старания не приводили к желаемому эффекту. Спираль взаимного насилия в республике по мере растущей интернационализации и глобализации конфликта продолжала раскручиваться всё стремительнее, а дагестанское общество продолжало всё больше самоустраняться от попыток решения конфликта, поскольку уже не успевало адекватно реагировать на его стремительную эскалацию.

В последующие годы дагестанские власти в полной мере пытались использовать патриотический, воспитательный, мобилизационный и идеологический заряд событий того времени, организуя многочисленные круглые столы, встречи ополченцев с молодёжью, вахты памяти, инициируя создание телевизионных передач и фильмов. Однако по ряду причин фактор стремительной мобилизации дагестанского общества перед лицом общей угрозы, активного включения в прекращение противостояния и кровопролития на религиозно-политической основе постепенно сошёл на нет. Это привело к новому этапу трансформации структуры и акторов религиозно-политического конфликта в республике, который начал постепенно выходить на новый уровень⁴.

Все инициативы по использованию тематики тех событий принадлежали дагестанским властям, которые не смогли в полной мере сделать общественный подвиг простых дагестанцев «точкой притяжения» активной части гражданского сообщества. В информационном поле также наблюдалось снижение консолидирующего и воспитательного эффекта материалов и сюжетов о событиях тех лет.

Отчасти произошедшую трансформацию в сознании дагестанцев объясняют журналисты еженедельника «Настоящее время». В канун очередной годовщины со дня разгрома боевиков Ш. Басаева и Хаттаба в Дагестане издание отмечает, что через десять с лишним лет «единым фронтом давший отпор боевикам в 1999-ом году Дагестан уже превратился в поле кроваво-

³ Альберт Мехтиханов: Ислам не ограничивается молитвенным ковриком // Обзор СМИ: [сайт]. URL: http://www.obzor-smi.ru/dagestan/2464-albert_mehtihanov_islam_ne_ogranichivaetsya_molitvennym_kovrikom.html (дата обращения: 05.01.2021).

⁴ См.: Гусейнов Г. Н. Маслиат – призыв к миру // Народы Дагестана: [сайт]. URL: http://www.narodidagestana.ru/vipusk/1/stat/masliat_priziv_k_miru (дата обращения: 27.12.2020); Дагестан устал от крови // Ансар: [сайт]. URL: <http://ansar.ru/society/2011/6/18/17339> (дата обращения: 27.12.2020).

го гражданского побоища» и что «те же самые горцы, которые 12 лет назад в едином порыве встали на защиту Дагестана от внешнего посягательства, сегодня с полным равнодушием взирают на то, как их республика захлёбывается кровью в непрекращающейся гражданской войне»⁵. Несмотря на всю катастрофичность развивающихся в республике событий и то «гражданское оцепенение», в которое впала дагестанская общественность, до сих пор ни она, ни дагестанские власти не смогли дать внятный ответ на происходящее с республикой и населением Дагестана и не определились с реакцией Дагестана на стоящие перед ним вызовы.

МОБИЛИЗАЦИЯ И ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ ДАГЕСТАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Для общественной реакции на конфликт в Дагестане важно выделить уровни мобилизации дагестанского общества в ходе развития данного конфликта и проанализировать факторы, ставшие причиной проблем и недостаточного успеха в его деэскалации.

Базовым уровнем мобилизации можно считать мгновенную мобилизацию в тех случаях, когда это касалось ближайших родственников жителей Дагестана⁶. Такая мобилизация жителей дагестанских районов в деле защиты своих личных интересов вполне объяснима, поскольку историческое сознание дагестанских народов формировалось именно в рамках этих локальных сообществ, которые ещё дореволюционные авторы называли «джамаатами» и «вольными обществами». Уже на этом уровне участвующие в протестах жители тех или иных районов пытаются своими силами организовать информационную поддержку своим акциям. Зачастую они связываются со своими друзьями в республиканских СМИ и просят их осветить эту акцию в СМИ, заявить об их требованиях и т. д. Как правило, дальше таких действий попытки инициирования некоей информационной кампании на этом уровне не идут.

Следующий уровень мобилизации дагестанских жителей в защиту собственных интересов – это этнонациональный, когда мобилизуются жители уже на уровне отдельного этноса, например, представители аварского, лезгинского, кумыкского или других народов. Однако подобная мобилизация жителей Дагестана по этнонациональному признаку, в отличие от мобилиза-

⁵ См.: Дагестан: «Мочить» уже не работает // Голос Ислама: [сайт]. URL: <https://golosislama.com/news.php?id=2510> (дата обращения: 28.12.2020).

⁶ Таких случаев республика знает десятки. Весьма показательными в этом отношении являются митинг жителей Цунтинского района республики, выразивших свою готовность оказать вооружённое противостояние членам НВФ из-за убийства ими местного лесника, митинг жителей Цумадинского района, недовольных задержанием силовиками их земляков – братьев Гаирбековых, митинг жителей Казбековского района против районного главы, которого они обвиняли в убийстве местного жителя, и т. д. См.: УФСБ по Дагестану выступило с заявлением по поводу митинга 28 апреля // Regnum: [сайт]. URL: <http://www.regnum.ru/news/447797.html#ixzz2uiCp2Dy0> (дата обращения: 07.01.2021); В Дагестане сместили обвиняемого в убийствах главу Казбековского района // Кавказский узел: [сайт]. URL: <http://abkhasia.kavkaz-uzel.ru/articles/111735/?print=true> (дата обращения: 07.01.2021).

ции по географическому признаку, на сельском или районном уровне, за все эти годы ни разу не случалась в ответ на вызовы, исходящие от участников текущего религиозно-политического конфликта – боевиков или силовиков.

Этнонациональная мобилизация в основном происходила в ответ на некие вызовы, исходящие от республиканской власти, или же в ответ на её неспособность решить некую жизненную проблему того или иного народа республики⁷. В этом случае участники организуемых общественных акций демонстрируют обычно более широкий подход к организации информационной кампании в свою пользу. Обычно в акциях подобного уровня уже принимают участие не просто сельские жители, но состоявшиеся представители того или иного народа – учёные, писатели, общественные деятели, аналитики, журналисты и бизнесмены.

Они помогают участникам подобных мероприятий получить доступ к более солидным СМИ республиканского, общекавказского и общероссийского уровня. Примером тому может служить тот факт, что об акциях Федеральной лезгинской национально-культурной автономии против переименования одной из улиц Дербента писали не только дагестанские и общекавказские СМИ, но даже и такие федеральные издания, как «Российская газета».

На более высоком – общереспубликанском – уровне подобная мобилизация жителей Дагестана наблюдалась за все годы эскалации религиозно-политического конфликта только один раз – в ответ на вторжение боевиков со стороны Чечни в 1999 г., как было упомянуто выше.

Таким образом, за последние более чем 20 лет, прошедшие с событий 1999 г., дагестанская общественность существовала в формате периодической мобилизации в ответ на вызовы своим интересам на уровне районов или этнонациональной идентичности. Конечно, нельзя отрицать, что в Дагестане за эти годы были проведены многочисленные круглые столы и конференции, молодёжные форумы, посвящённые профилактике экстремизма и радикализма, были инициированы всякого рода проекты по развитию инновационного и креативного потенциала молодёжи⁸.

⁷Здесь можно привести в пример митинги представителей кумыкского народа, требующих от властей возвращения им их исторических земель, или митинг представителей лезгинского народа, протестовавших против переименования одной из улиц Дербента в честь бывшего президента Азербайджана Г. Алиева. См.: В Дагестане прошел митинг представителей кумыкского народа // Кавказский узел: [сайт]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/165522> (дата обращения: 07.01.2021); Участники митинга «Дербент – южный форпост России» в Москве потребовали отменить решение о переименовании улицы Советской // Кавказский узел: [сайт]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/226408> (дата обращения: 07.01.2021).

⁸ Проект Дагестанский гражданский университет [Электронный ресурс] // Ассамблея развития гражданского общества. URL: <http://www.forumargo.ru/projects/view/id/35> (дата обращения: 07.01.2021); В Дагестане молодёжный форум «Диалог–М» собрал более 300 человек // Кавказский узел: [сайт]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/207867> (дата обращения: 07.01.2021); В Дагестане состоялся первый молодёжный форум волонтеров // Без Формата: [сайт]. URL: <http://mahachkala.bezformata.ru/listnews/pervij-molodezhnij-forum-volonterov/9138579> (дата обращения: 07.01.2021).

Духовное управление мусульман Дагестана все эти годы проводило Съезды алимов (мусульманских богословов) как на уровне отдельных районов, так и на уровне всей республики. Журналистское сообщество республики периодически собирало своих активных членов как в Дагестане, так и в Москве. Однако большая часть этих собраний была посвящена трагическим событиям – убийствам журналистов республики. Важно отметить, что в большинстве случаев близкие и коллеги убитых обвиняли не боевиков, а те или иные клановые группировки внутри власти.

Что удивительно, не произошло массовой мобилизации дагестанского общества и после убийств двух самых влиятельных суфийских шейхов Дагестана – С. Хурикского (Исрафилова) и С. Чиркейского (Ацаева). Причём последнего все эти годы власть и сами его последователи называли духовным лидером всего Дагестана. Реакция расколотого дагестанского общества на его смерть показала, что единого лидера за все годы конфликта в Дагестане не появилось. Однако при отсутствии мобилизации и консолидации всего дагестанского общества после этого убийства странным образом без относительно заметной реакции смирились с ним и сами последователи убитого шейха⁹.

При этом экспертам приходится констатировать, что с постепенным самоустранением дагестанской общественности от участия в окончательном разрешении и прекращении текущего конфликта власти также упустили инициативу, а сама тема широкого общественного противостояния дагестанского населения боевикам и радикалам перестала мобиливающим и консолидирующим образом влиять на жителей республики [6, с. 60]¹⁰. События 1999 г., к сожалению, не послужили действенным фактором для системной организации самого дагестанского общества на основе патриотических и гражданских ценностей. После этих событий в Дагестане не родилось никакого широкого общественного движения или процесса гражданской самоорганизации в защиту общественных завоеваний того периода, в защиту безопасности дагестанского общества [10, с. 156].

ТЕОРЕТИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНФЛИКТА

Понять динамику социального ответа на религиозно-политический конфликт в Дагестане нам позволяет категория «социальная аномия», которой Э. Дюркгейм обозначал состояние ценностно-нормативного вакуума, характерного для переходных и кризисных периодов и этапов в развитии общества, когда старые нормы и ценности перестают действовать, а новые ещё не уста-

⁹ Данный факт роднит это убийство с убийством муфтия Дагестана С. Абубакарова в 1998 г. В обоих случаях убийства были совершены через подрывы. Несмотря на то, что муфтий был убит путём подрыва его автомобиля, а шейх был убит самоподрывом смертницы, и в том, и в другом случае в дагестанском обществе упорно муссировались версии о наличии в этих убийствах неких «интересов правящих кланов».

¹⁰ Исрапилов С. Дагестан выносит приговор российской власти // Отчизна: [сайт]. URL: <http://otchizna.su/politics/6924> (дата обращения: 27.12.2020).

новились [4, с. 235]. Такой же социальный диагноз ставит данному обществу и современный кавказский исследователь З. Жапуев. Согласно его точке зрения, этот диагноз «определяется “болезненным” характером современной российской реальности, в которой фиксируется рост социальной аномии и воспроизводство деструктивных явлений в ходе общественной динамики» [5, с. 180].

Отечественный исследователь Н. Покровский, характеризуя многообразие проявлений социальной аномии в обществе, пишет, что к числу легко наблюдаемых и определяемых её «индикаторов» можно отнести «рост преступности, социальный хаос, “смятение душ”, неясность жизненных целей, резкое снижение предсказуемости во времени тех или иных явлений, связанных с данной социальной системой, возрастание значимости материальной ориентации, как противоположных нравственным и духовным» [8, с. 51].

Что касается представителей самого дагестанского общества, одна из попыток понять, что происходит в дагестанском обществе, нашла отражение в материале местного исламоведа и журналиста Р. Гереева, который пишет о том, что республику поразил общественный раскол по причине глубокого «кризиса традиционного общества»¹¹.

Относительно кризиса традиционного общества, проблему которого подняли дагестанские журналисты, отечественный исследователь В. Фельдман пишет, что данный вид кризиса представляет собой «критическое, переломное состояние социальной системы, когда уже происходит распад в прошлом относительно устойчивых, социальных связей, причем имеющих жизненно важное значение для воспроизводства и развития общественной системы» [12, с. 149].

Согласно подходу отечественного исследователя Н. Данилевского, любая цивилизация, представляющая самобытный культурно-исторический тип, имеет пределы своего бытия. Конец цивилизации Н. Данилевский представлял как время прекращения творческой активности народа. Он полагал, что в ситуации кризиса одни народы дряхлеют в апатии самодовольства, другие – впадают в апатию и отчаяние [3, с. 98].

Согласно другому подходу, который развивал английский историк А. Тойнби, подобные социальные кризисы возникают в том обществе, где правящая элита перестает обновляться. Поскольку, с его точки зрения, общество имеет исторические перспективы до тех пор, пока правящая элита обладает способностью к конструктивным решениям и действиям, а народ, определяемый как пассивное большинство, следует за элитой по пути реализации её планов. При исчезновении таких тенденций, согласно А. Тойнби, закономерно начинается процесс деградации элиты, проявляющийся в утрате способности правящего слоя принимать рациональные и верные решения проблем, возникающих в жизни общества [12, с. 323].

¹¹ Курбанов Р., Гереев Р. Случилось страшное... // Эхо Москвы: [сайт]. URL: http://echo.msk.ru/blog/kavkaz_politic/866994-echo (дата обращения: 28.12.2020).

Ещё более интересной для понимания процессов, протекающих в исследуемом обществе, представляется теория этногенеза Льва Гумилева. Согласно его теоретическим выкладкам, развитие любого общества предполагает следующие неизбежные фазы этногенеза: 1) явный период фазы подъёма; 2) акматическую фазу, когда этнос предельно активен, а давление на ландшафт уменьшено; 3) фазу надлома, когда антропогенное давление максимально и деструктивно; 4) инерционную фазу, в которой идёт накопление технических средств и идеологических ценностей; ландшафт в это время поддерживается в том состоянии, в которое он был приведён ранее; 5) фазу обскурации, во время которой нет забот ни о культуре, ни о ландшафте. После этого наступает фаза гомеостаза, когда остатки этноса существуют на обломках погибшего культурного ландшафта [2, с. 125].

Многое из вышеизложенного применимо и к дагестанскому обществу периода постсоветского системного кризиса, который сопровождался и деградацией правящей элиты в республике, и ростом апатии населения, и нарастающим разложением традиционного общества и одновременными попытками радикальных мусульманских общин сохранить традиционный уклад насильственными методами. Именно эти процессы и описывал дагестанский журналист Р. Гереев, когда писал следующее: «Сегодня линия отчуждения, ненависти и вражды пролегает посреди самого дагестанского общества, разделяя семьи и противопоставляя ближайших родственников. Это говорит о том, что в Дагестане полным ходом идёт настоящий распад самой социальной ткани, распад общества, как такового»¹².

Со слов В. Фельдмана, при наличии таких тенденций или возможен полный распад социальной системы, или кризис общества преодолевается на путях самоорганизации, и общество приобретает новые исторические перспективы [13, с. 149]. Однако в изучаемый нами период времени самоорганизации дагестанского общества перед лицом угроз набирающего обороты религиозно-политического конфликта ещё не произошло.

Кроме приобретения асимметричного характера данного конфликта, стоит упомянуть ещё несколько факторов, которые приводили к нарастающему самоустранению дагестанской общественности от его стабилизации. Среди них стоит назвать нарастающее озлобление жителей республики по поводу растущего уровня насилия и противостояния незаконных вооружённых формирований силовым структурам, а также из-за широкого вовлечения в ряды боевиков детей и родственников значительного числа жителей республики¹³.

¹² Курбанов Р., Гереев Р. Случилось страшное... // Эхо Москвы: [сайт]. URL: http://echo.msk.ru/blog/kavkaz_politic/866994-echo (дата обращения: 28.12.2020).

¹³ См.: Количество похищений людей в Дагестане за год увеличилось более чем в 2 раза // Газета «Черновик»: [сайт]. URL: <https://chernovik.net/content/lenta-novostey/kolichestvo-pohishcheniy-lyudey-v-dagestane-za-god-uvelichilos-bolee-chem-v-2> (дата обращения: 05.01.2021); Милашина Е. Побеждает тот, кто заказывает [Электронный ресурс] // Мемориал. URL: <http://old.memo>.

Современный израильский автор М. ван Кревельд подробно описал эти процессы в своей книге «Трансформация войны» [14, р. 55]. По словам этого военного теоретика, если государство теряет инициативу в вооружённом противостоянии с инсургентами и не может покончить с вооружённым сопротивлением на собственной территории в течение длительного времени, такой факт оборачивается для государства стратегическим поражением, а для вооружённых группировок – стратегическим выигрышем. Для победы же над вооружёнными группировками государству необходимо решительно перехватывать инициативу и завершать конфликт в кратчайшие сроки [14, р. 25, 37]. Это явление, по М. ван Кревельду, связано с тем, что современные войны с боевиками и террористами обходятся правительствам и армиям большими издержками и отсутствием гарантии скорых побед над противником: «Часто результатом являются ощутимые жертвы среди местного населения, и нельзя недооценивать психологические последствия этого»¹⁴.

Так и произошло в дагестанском обществе, где череда непрекращающихся вооружённых столкновений привела к тому, что начали копиться усталость, апатия, раздражение и даже озлобленность. Всё это стало дополнительным фактором глубокой трансформации расклада сил внутри структуры дагестанского религиозно-политического конфликта.

Несомненно, на рост усталости и апатии населения на фоне непрекращающегося конфликта повлияли и высокая степень коррумпированности общественно-политической и социально-экономической жизни в республике, общий системный кризис, высокий уровень безработицы, засилье кланов и отсутствие перспектив для значительной части населения республики. В этих условиях редакция газеты «Настоящее время» задаётся очень острым для республики вопросом относительно того, почему в Дагестане, уже который год сотрясающемся от непрекращающейся войны между силовиками и боевиками, ни власть, ни боевики не могут переломить ситуацию. И далее редакция предлагает свой ответ на данный вопрос: «Причина же, по которой ни одна из сторон не может добиться ощутимого результата в этой войне, проста. Пока силовики и боевики уничтожают друг друга, сила, которая могла бы все это прекратить, безучастно наблюдает за всей этой бойней. Речь идёт о дагестанском обществе»¹⁵.

Вывод журналистов свидетельствует прежде всего о том, что большинство дагестанцев практически полностью самоустранились от участия в конфликте, расколовшем дагестанское общество, под предлогом, что «это для них чужая война». «Если бы правительство искоренило бы коррупцию

ru/d/9374.html (дата обращения: 05.01.2021).

¹⁴ Ван Кревельд М. Война и современное государство // Полит.ру. URL: <http://polit.ru/article/2006/09/26/kreveld> (дата обращения: 05.01.2021).

¹⁵ Когда народ проигран // Мой Дагестан: [сайт]. URL: <http://www.moidagestan.ru/news/analytics/6256> (дата обращения: 05.01.2021).

в социальной, жилищно-коммунальной, медицинской и образовательной сферах, очистило бы общество от всех воров и казнокрадов во власти, встало бы на защиту прав простых людей против произвола чиновников, уничтожило бы клановость, то простые жители своими руками разделались бы с каждым из боевиков, смеющим покушаться на такую власть», - делают вывод журналисты¹⁶.

К сожалению, дагестанское общество на всех этапах нараставшего десятилетиями религиозно-политического конфликта так и не смогло проявить соизмеримой с активностью боевиков готовности отстаивать мир и согласие в республике, а также свои собственные общественные и гражданские интересы. По мнению американского исследователя Р. Патнэма, для трансформации конфликта в сторону усиления конструктивной и стабилизирующей роли гражданских структур необходимо, чтобы гражданские активисты «создавали социальные сети» и поддерживали друг друга, что приводит к росту социального капитала, взаимного доверия между гражданскими активистами и росту уверенности в собственных силах [9, с. 446].

Однако ситуация в Дагестане периода эскалации конфликта была далека от той, которую описывал Р. Патнэм, поскольку все эти годы общественное поле республики сохраняло предельную фрагментированность и замкнутость социальных групп в границах субэтнических и территориальных сообществ. Это связано с тем, что процесс нарастания и углубления социальных расколов [7, с. 210], который в Дагестане был спровоцирован крушением СССР, не дошёл до своего логического конца и не породил на тот момент обратных процессов социальной консолидации [1, с. 45; 3, с. 202; 7, с. 27].

Как отмечали отечественные исследователи, одна из наиболее опасных черт внутригосударственных конфликтов – их крайне упорный и ожесточённый характер, поскольку эти конфликты являются также наиболее продолжительными. Этот же момент подчёркивал и В. А. Тишков, который писал, что эскалация конфликта в Чечне и Дагестане привела к тому, что на этой арене «вершили спектакль внешние акторы», а «конфликт перестал быть собственностью конфликтующих сторон» [11, с. 645].

На самом деле эскалация насилия со стороны участников конфликтов подобного формата происходит из-за того, что разрабатывавшиеся в 1960–1980-е гг. конфликтологическая теория и практика были ориентированы прежде всего на задачи регулирования, разрешения и предотвращения так называемых симметричных конфликтов, проявлявшихся в форме межгосударственных войн или региональных конфликтов, за которыми скрывалось, как правило, противостояние двух сверхдержав.

На современном же этапе ряд авторов предлагает рассматривать ещё один, дополнительный уровень сложности конфликтов подобного формата, а именно

¹⁶ Когда народ проигран // Мой Дагестан: [сайт]. URL: <http://www.moidagestan.ru/news/analytics/6256> (дата обращения: 05.01.2021).

подходить к их изучению и анализу по мере того, как они трансформируются в процессе эскалации. Так, Р. Вярюнен считает, что «множество теорий конфликта рассматривают проблемы, вокруг которых возник конфликт, акторов конфликта и их интересы как данность, и, исходя из этого, пытаются найти решение, которое устраняло бы или ослабляло противоречия между ними. Однако они не учитывают, что проблемы и интересы постоянно меняются в зависимости от социальных, экономических и политических изменений в обществе» [15, р. 17].

Исходя из этого посыла, учёный выводит собственную классификацию типов трансформации конфликтов:

- трансформация структуры конфликта, когда трансформируется вся структура взаимоотношений в конфликте;
- трансформация акторов конфликта, связанная с внутренними изменениями сторон конфликта или появлением новых сторон;
- трансформация проблем, в связи с которыми возник конфликт;
- трансформация правил и норм, которые изначально присутствовали в конфликте [15, р. 17].

Вне всякого сомнения, для религиозно-политического конфликта в Дагестане подобными факторами трансформации структуры противостояния, изначально зарождавшегося как сугубо религиозно-догматическое, стали его стремительная политизация со стороны салафитского лагеря, а также такие события, как две вооружённые кампании в Чечне, получение дагестанскими верующими боевого опыта в Чечне, вторжение боевиков в Дагестан в 1999 г., убийства муфтия Дагестана С. Абубакарова и духовного лидера суфийского большинства республики шейха С. Ацаева и т. д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведённый в статье анализ трансформации религиозно-политического конфликта в Дагестане и роли его общественно-политических сил и гражданских структур в снижении остроты конфликта в республике показал явную недостаточность сил гражданского сектора в деле преодоления последствий противостояния различных частей дагестанского общества. Сам конфликт постепенно обретал новые социально-политические и религиозные черты и включал в себя новых участников – от отдельных активистов и чиновников до крупных религиозных групп. Мобилизация гражданского населения Дагестана в ответ на определённые события в ходе трансформации конфликта происходила на нескольких уровнях – от локального до общереспубликанского – и различалась по своим приоритетам и общественной реакции. Но ключевой проблемой является то, что она была весьма нестабильной, и гражданская активность быстро угасла, демонстрируя эффект социальной аномии.

Было также отмечено, что для противодействия экстремистским группировкам, использующим сильные эмоциональные послылы и накопившееся

напряжение в регионе для своих целей, недостаточно только системных и формальных ответов, исходящих от чиновников или от аффилированных с властью общественных структур. Это подчёркивает многокомпонентность и глубину религиозно-политического конфликта в Дагестане.

Для существенной трансформации структуры, норм, соотношения сил акторов текущего религиозно-политического конфликта, способной создать условия для уравнивания и последующего уничтожения влияния экстремистов на сознание верующей молодёжи, необходим соизмеримый ответ, идущий из самых глубин общественного сознания и исторической памяти дагестанских народов, породить который не в силах ни чиновники, ни силовики. Вполне очевидно, что подготовить подобный ответ на вызовы, исходящие из радикального лагеря, должно и способно только само дагестанское общество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеева Е. А. Политические аспекты консолидации современного российского общества (на примере полиэтнического региона): дис. ... канд. полит. наук. М., 2004. 175 с.
2. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис-пресс, 2012. 558 с.
3. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 577 с.
4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 576 с.
5. Жапуев З. А. Социальный иммунитет российского общества в условиях институциональной трансформации: теоретические предпосылки концептуализации и социологические рамки исследования // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 6. С. 178–182.
6. Ильясов М. Нестабильность на Северном Кавказе: причины, факторы и возможные последствия // Кавказ и глобализация. 2012. Т. 6. № 3. С. 57–69.
7. Липсет С., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы предпочтения избирателей. Предварительные замечания // Политическая наука. 2004. № 4. С. 204–233.
8. Покровский Н. Е. Проблема аномии в современном обществе. М.: МГИМО-Университет, 1995. 139 с.
9. Салменниемет С. Теория гражданского общества и постсоциализма // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 4. С. 439–464.
10. Сиражудинова С. В. Гражданское общество, традиционализм и ислам на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону: АзовПечать, 2012. 200 с.
11. Тишков В. А. Этнополитический конфликт: системный и антропологический подходы // Этничность и религия в современных конфликтах / отв. ред. В. А. Тишков, В. А. Шнирельман. М.: Наука, 2012. С. 627–649.
12. Тойнби А. Дж. Постижение истории / пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М.: Айрис-пресс, 2002. 640 с.
13. Фельдман В. Р. Идеология в процессе деградации и кризиса традиционного общества народов Центральной Азии // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 14. С. 145–153.

14. Van Creveld M. Transformation of Warfare. New York: Free Press, 1991. 254 p.
15. Vayrynen R. To Settle or to Transform? Perspectives on the Resolution of National and International Conflicts // *New Directions in Conflict Theory: Conflict Resolution and Conflict Transformation* / ed. R. Vayrynen. London, Newbury Park, New Delhi: International Social Science Council, SAGE Publications, 1991. P. 1–25.

REFERENCES

1. Ageeva E. A. *Politicheskie aspekty konsolidatsii sovremennogo rossiyskogo obshchestva (na primere polietnicheskogo regiona): dis. ... kand. polit. nauk* [Political Aspects of Consolidation of Modern Russian Society (the case of a Multi-ethnic Region): PhD thesis in Political sciences]. Moscow, 2004. 175 p.
2. Gumilev L. N. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the biosphere of the Earth]. Moscow, Airis-press Publ., 2012. 558 p.
3. Danilevsky N. Ya. *Rossia i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 577 p.
4. Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [On the division of social labor. Sociology method]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 576 p.
5. Zhapuev Z. A. [Social immunity of the Russian society in conditions of institutional transformation: theoretical premises of conceptualization and sociological frames of the study]. In: *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl* [Historical and socio-educational thought], 2012, no. 6, pp. 178–182.
6. Ilyasov M. [Instability in the North Caucasus: causes and possible consequences]. In: *Kavkaz i globalizatsia* [The Caucasus and globalization], 2012, no. 6 (3), pp. 57–69.
7. Lipset S., Rokkan S. [Cleavage structures, party systems and voter alignments: An introduction]. In: *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2004, no. 4, pp. 204–233.
8. Pokrovsky N. E. *Problema anomii v sovremennom obshchestve* [The problem of anomie in the modern society]. Moscow, MGIMO-University Publ., 1995. 139 p.
9. Salmenniemi S. [Theory of the civil society and post-socialism]. In: *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 2009, vol. 7, no. 4, pp. 439–464.
10. Sirazhutdinova S. V. *Grazhdanskoye obshchestvo, traditsionalizm i islam na Severnom Kavkaze* [Civil society, traditionalism and islam in the North Caucasus]. Rostov-on-Don, AzovPechat Publ., 2012. 200 p.
11. Tishkov V. A. [Ethnopolitical conflict: systematic and antropological approaches]. In: Tishkov V. A., Shnirelman V. A., ex. eds., *Etnichnost i religiya v sovremennykh konfliktakh* [Ethnicity and religion in contemporary conflict]. Moscow, Nauka, 2012, pp. 627–649.
12. Toynbee A. J. Comprehension of history (Russ. ed.: Zharkov E. D., transl. *Postizhenie istorii*). Moscow, Airis-press Publ., 2002. 640 p.
13. Fel'dman V. R. [Ideology in the process of degradation and crisis of traditional society of Central Asian ethnicities]. In: *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Buryat State University Bulletin], 2013, no. 14, pp. 145–153.

14. Van Creveld M. *Transformation of Warfare*. New York, Free Press, 1991. 254 p.
15. Vayrynen R. To Settle or to Transform? Perspectives on the Resolution of National and International Conflicts. In: Vayrynen R., ed., *New Directions in Conflict Theory: Conflict Resolution and Conflict Transformation*. London, Newbury Park, New Delhi, International Social Science Council, SAGE Publications, 1991, pp. 1–25.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 14.03.2021

Статья размещена на сайте: 07.06.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ланда Камиль Газимагомедович – доктор политических наук, профессор кафедры международного сотрудничества Института управления и регионального развития при Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; e-mail: expertatk@mail.ru

Курбанова Альбина Мурадовна – соискатель кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; e-mail: kurb.ru@gmail.com

Kamil' G. Landa – Dr. Sci. (Political Sciences), Prof., Department of International Cooperation, Institute of Management and Regional Development at the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; e-mail: expertatk@mail.ru

Al'bina M. Kurbanova – External Postgraduate Student, Department of Russian politics, Faculty of political science, Lomonosov Moscow State University; e-mail: kurb.ru@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Ланда К. Г., Курбанова А. М. Роль дагестанского общества в трансформации религиозно-политического конфликта // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Landa K. G., Kurbanova A. M. The role of Dagestan in transformations of the religious and political conflict. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru.